

Т.В. Излученко, Д.Н. Гергулев

СЕПАРАТИЗМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЭКСТРЕМИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Выявлена взаимосвязь сепаратизма и сецессии как социокультурных и политических феноменов, представляющих угрозу сложившемуся социально-политическому устройству и территориальной целостности государства. Установлены предпосылки и тенденции развития сепаратистских настроений, а также указаны меры противодействия сецессии. Сепаратизм охарактеризован в качестве экстремизма, включающего специфическую деятельность, радикализованные модели мышления и поведения, соответствующие культурные установки.

Ключевые слова: экстремизм; сепаратизм; сецессия; территориальная целостность; отделение; расширение автономии; дискриминация

Введение

В современной российской действительности наблюдаются различные социокультурные и политические феномены, обладающие противоречивой сущностью и являющиеся отражением внутривнутриполитических настроений. Стремления представителей какой-либо национальности к укреплению своего политического положения, сохранению и развитию религиозных и культурных традиций нередко переходят в сепаратистские настроения и вызывают социальную напряженность. В законодательстве отражено отношение государства к такому роду проявлениям. Согласно п. 2.1. ст. 67 Конституции РФ «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности» [1]; ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»; ст. 280.2 УК РФ «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации», а также ст. 1 ФЗ-114 «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. в перечне экстремистских действий присутствует «нарушение территориальной целостности Российской Федерации» [2].

Проблема сепаратизма на протяжении последних нескольких десятилетий исследуется в рамках а) законодательства и его трансформации; б) развития общественных движений и настроений представителей каких-либо национальностей; в) политических процессов в национальных территориях и г) внешнеполитических отношений, международного влияния. Актуальным становится вопрос о некоей границе, за которой действия по развитию социальной идентичности (на религиозной, национальной основе) начинают угрожать нарушением территориальной целостности. Цель нашей работы заключается в анализе сепаратизма как социокультурного и политического феномена современной России, проявления которого классифицируются в качестве экстремизма. Социально-философский анализ сепаратизма позволяет выявить его сущность как формы социальной активности и установить предпосылки и тенденции развития. Для достижения этого предлагается определение сепаратизма, сецессии и экстремизма, выявление взаимосвязи между ними.

Методология исследования

Сепаратизм рассматривается в рамках постмодернистского подхода как социокультурный и политический конструкт, созданный сторонниками сецессивных движений, государственными структурами и общественностью. Понимание экстремизма основывается на классификации его в качестве действий против основ конституционного строя и безопасности государства. Характеристика происхождения экстремистской идеологии и мотивация людей к участию в противоправной деятельности объясняется функциональным подходом. Экстремистское поведение представляется девиантной формой социальной активности, направленной на преобразование социальной действительности, реализацию социокультурного и политического проекта по созданию иного социально-политического положения. Когнитивные особенности экстремистского сознания рассматриваются согласно концепциям социальной психологии (А. Круглански и А. Агнати). Посредством политического и социально-философского анализа выявляются направления экстремистских действий, политические цели и задачи, модели управления, структурные подсистемы и их сущностное содержание, а также специфика трансформационных изменений традиций (религиозной, культурной).

Результаты исследования

Экстремизм определяется российским законодательством как деятельность, способствующая дестабилизации внутреннего социально-политического положения и включающая разжигание розни, нарушение прав граждан, дискриминацию, пропаганду терроризма и нацизма, а также нарушение территориальной целостности государства. Сепаратизм наравне со стихийными бедствиями, коррупцией и деятельностью преступных организаций, в том числе экстремистских и террористических, именуется угрозой государственной и общественной безопасности [3]. Под экстремизмом понимаются те формы социальной активности, которые совершаются людьми публично индивидуально и/или в рамках деятельности экстремистских организаций с целью вызвать внутренние социальные конфликты посред-

ством обострения межрелигиозных, межнациональных и иного рода социальных противоречий. Совершение таких действий обосновывается наличием соответствующего стиля мышления и паттернов поведения, основанных на экстремистской идеологии. Обществом данные модели поведения и мышления воспринимаются в качестве девиантных отклонений от общепринятых норм отношения к государству, его территории и устоявшемуся социальному положению.

Экстремизм включает следующие составляющие. Первая – экстремистская деятельность – форма социальной активности; противоправные действия, направленные на изменение существующего социально-политического устройства. Экстремистские действия квалифицируются государством в качестве правонарушений, а обществом воспринимаются отклонениями от установленного социального порядка, аморальными поступками. Общим признаком остаются негативные социальные последствия, вызывающие общественное осуждение и меры пресечения. Социокультурные и правовые нормы на различных этапах развития одного общества могут значительно различаться, поэтому при идентификации действий экстремистскими необходимо учитывать исторический контекст. Каждое государство само определяет перечень действий экстремистского характера, т.е. угрожающих в настоящее время его суверенитету и стабильности. Экстремизм может проявляться в виде индивидуальных социальных актов, последовательности актов и социальных явлений, включающих множество устойчивых (исторически и территориально) поведенческих актов. Экстремистские действия как форма социальной активности девиантного характера являются антрополого-культурно-нормативным социальным феноменом [4]. Э. Дирилен-Гумус отмечает обусловленность экстремистского сознания социально-психологическими переменами, предубеждениями (предрассудками) и случаями дискриминации [5].

Вторая составляющая – экстремистское сознание – представления и отношения к социальной действительности, основанные на радикализованной мировоззренческой позиции свои-чужие и проявляющиеся в действиях экстремистской направленности. А. Круглански отмечает, что экстремисты совершают рациональные и целенаправленные действия, обладая схожими с экстремальными состояниями психологическими конструкциями. Ядром данного стиля мышления становится мотивационный дисбаланс, который возникает в условиях доминирования одной потребности (утверждение личной значимости) и сопровождается отказом от альтернативных решений, стремлением любыми средствами достичь желаемого [6]. Базовые когнитивные принципы трансформируются для радикализации сознания. Так, приобретение знания формирует у человека представление об идеологии как истинном знании. Конструируется модель, которая приравнивает применение насилия к получению личной значимости, так как это сопровождается одобрением и поддержкой социального окружения (экстремистского объедине-

ния). Активация знания – приобретенные знания (идеология) активируются посредством внешнего раздражителя (пропаганды, призывов в социальных сетях). Избирательное внимание – сосредоточение только на политической цели и обозначенном пути ее достижения. Торможение и подавление – отказ от альтернативных путей, подавление иных стимулов (семья, прежнее окружение). Нахождение в данном состоянии требует большего количества энергии, поэтому, как правило, не является длительным и не затрагивает большие группы. По мнению Л. Агнати, посредством повторного использования свойств сознания возникают экстремистские идеи как когнитивные искажения. В процессе эволюции уникальные умственные способности получили расстройство, что привело к беспорядкам в коллективном сознании и отходу от нормативности. Сформировались этические комплексы, допускающие или пропагандирующие нетерпимость к иным мировоззренческим установкам [7].

Третья – экстремистская культура – совокупность специфических социокультурных установок, социальных действий и ритуальных практик, формирующих альтернативное понимание социальной действительности. Посредством культуры любое сообщество обеспечивает социальную идентификацию, разрабатывает культурные паттерны, формирует соответствующие стили мышления и поведения. Стабильность зависит от сохраняющихся и ретранслирующих культурных ценностей [8]. Экстремистские объединения, обладающие несколькими поколениями участников, обладают достаточно развитой и сформированной культурой. Это позволяет утверждать существование экстремистской культуры (субкультуры), характеризующейся гиперболизацией образа противника; дифференциацией по идеологической составляющей; интолерантностью; провозглашением социальной универсальности и отсутствия социальной стратификации; специфическими ритуальными действиями как средствами консолидации участников [9]. Разработанные этические нормы и принципы, аксиологические и гносеологические положения формируют мировоззрения и наполняют соответствующим содержанием повседневность участников. Сепаратисты функционируют в рамках группы на основе осознания возможности достижения совместной цели при условиях: а) пожертвования личной выгодой; б) альтруизма и его ожидания от других; в) стремления увеличить групповые выгоды и снизить затраты [10].

Четвертая – экстремистская идеология – система мировоззренческих установок, обосновывающих экстремистское поведение выполнением «священной» миссии. Идеология экстремистских объединений поощряет применение насилия для достижения политической цели, используя механизмы когнитивной радикализации: высокую самооценку и стремление к господству, хитрость и изобретательность, эмоциональную холодность и импульсивность [11]. Основой становится трансформированная традиция (религиозная, культурная) и/или научная, псевдонаучная концепция (евгеника).

В случае с сепаратистскими настроениями предпосылкой возникновения, своеобразным катализатором становятся переживания относительной депривации отдельными группами или личностями, которые нередко проявляются в насильственном экстремизме. Причинами депривации Дж. Кунст и М. Обайди выделяют рост социального неравенства и асимметрию власти внутри государства. В усилении депривационных ощущений значение имеет не столько реальное распределение ресурсов внутри социума, а то, как это воспринимается группой. Проводимое сравнение социального положения собственной группы с иной (местной, привилегированной), выявление случаев притеснения либо старшего поколения, либо единоверцев провоцируют более радикальные проявления экстремизма, направленные на контрдоминирование. Насилие становится безальтернативным методом для противостояния чувствам потери политического, экономического, психологического и социального значения. При этом в группах, которые обладают большим доступом к власти, насилие используется для поддержания и укрепления своих позиций [12].

Процессы культурной глобализации, рост межкультурных связей, как отмечает С. Озер, вызывают реакции этнической защиты, переживания страха и социально-политической незащищенности, ощущения ненадежности своей жизни, обусловливаемые невозможностью удовлетворения потребностей. Это проявляется в экстремистских настроениях, одобрении насилия, религиозном фундаментализме и национализме [13]. В формировании представлений о надежных жизненных условиях, способах решения повседневных проблем задействуются культурные нарративы. Как только возникают чувства социальной и политической незащищенности, угрозы культурной, религиозной и национальной идентичности, создаются соответствующие нарративы, оправдывающие и обосновывающие применение насилия в интересах своей группы. Э. Штауб охарактеризовал следующие факторы, способствующие групповому насилию: а) жизненные трудности; б) культурные особенности; в) травмы; г) личные качества [14]. Экстремистские объединения, развивая у своих участников чувства безопасности и привязанности, противопоставляют их представителям иных групп, что при определенных условиях с конкретной политической целью может использоваться как стимул к соответствующим действиям.

Интерпретация исторического прошлого группы как великого, «золотого» века и представления о будущем как его возрождении усиливают субъективные ощущения неудовлетворения своих потребностей, лишений, вызванных существованием в составе другой более крупной общности и/или государства. Отсылка к историческим фактам о насильственном (политическом, экономическом) включении той или иной национальности, территории с проживающими на ней местными жителями становится обоснованием сепаративных действий. Объективная сторона событий не имеет значения, важность приобретают нарративы о несправедливости. Важную роль в активизации людей на действия играют лидеры, с которыми тем больше

происходит психологическое слияние и которым оказывается безграничное доверие, чем сильнее, по их мнению, были притеснения. Группа формирует мировоззрение посредством мифотворчества, отражающего представления о справедливости/несправедливости, своих / чужих и прошлом/настоящем/будущем.

Сепаративные действия направляются на получение дополнительных прав, расширение автономии территории в политическом и экономическом плане, а также отделение территории от государства, в состав которого она входит. Стремление учреждения собственной государственности и социально-политическая активность населения за независимость представляют угрозу территориальной целостности и государственному суверенитету. Нередко для обоснования происходит отсылка к правам народа на самоопределение. А.А. Клишас отмечает неправомерность данных требований, так как право на самоопределение относится к борьбе с колониализмом и обусловлено грубым нарушением прав и свобод, угрозой геноцида [15. С. 9].

На наш взгляд, в современной России наиболее популярными являются следующие сепаратистские идеи. Первые – отделение территорий, на которых проживает национальное большинство (республики Карелия и Якутия, Ленинградской и Псковской областей (Суоми)). Второе – отделение территорий, по мнению представителей «титальной» нации (русские), являющихся дотационными (республики Северного Кавказа, г. Москва). Третьи – разделение территорий, полученных в период СССР, но оставшихся в составе России после распада, между всеми бывшими республиками (Калининградская область). В.Н. Воронин указывает тенденции сепаратизма в России. Одни связаны с идеями отделения на основании национальных особенностей и указанием на историческую самостоятельность. Примерами являются выступления на территории Республики Якутия «Изгнать русских и чурок. Поставить свою власть, свои законы... начать как отдельное государство» (2017). Другие тенденции основываются на утверждении нелегитимности существующей государственной власти. Так, в 2018 г. в г. Ульяновске распространялись листовки с призывами выхода из состава России, в Астраханской области проведения референдума и создания Астраханской Народной Республики [16].

Предпосылками для перехода сепаратистских настроений в сепарацию можно назвать следующие моменты.

Первый – политическая дискриминация регионов. Она может выражаться как в положительном, так и в негативном плане. Понятие «позитивная дискриминация» (affirmative action) подчеркивает использование в России селективного подхода, направление значимых финансовых потоков и дополнительных средств в конфликтные территории (республики Северного Кавказа). Формируются представления о привилегированных регионах. С одной стороны, в самих территориях возникают идеи необходимости получения еще больших прав и свобод наравне с увеличением финансирования, созданием инфраструктуры, а также поддержанием и развитием культурных особенностей.

С другой стороны, в иных регионах популярными становятся идеи отделения от государства указанных территорий, что выражается в лозунгах типа «Хватит кормить Кавказ» (2011), «Хватит кормить Москву» (2011) и настроениях политического и экономического самостоятельного управления, сохранения налогов от местных ресурсодобывающих и промышленных производств. В качестве примера можно привести следующее высказывание: «...кроме огромной прибыли федеральной власти от республики ничего не надо, а как они на Крайнем Севере выживают, в центре никого не интересует. Выход – прибыль, получаемая от добычи золота и алмазов, должна делиться на жителей, а не идти в «карман» действующей власти России. Способ достижения процветания республики лишь один – независимость» [17].

Оказание, по мнению общественности, необоснованной финансовой поддержки федеральной властью национальным республикам провоцирует рост националистических движений, привлекающих активную молодежь и использующих их в качестве ударной силы. И.А. Ашмаров в качестве провоцирующего фактора отмечает влияние пропаганды религиозного, культурного, национального разделения, источником которой нередко является внешняя сторона. Их идеологические положения схожи, акцентируются на обострении внутривнутриполитического положения посредством указания на экономическое и политическое доминирование одной политической группы; эксплуатации; незаконном присоединении и отсутствии государственной поддержки в решении внутренних вопросов [18].

Второй экономический фактор неразрывно связан с политическим положением. Наличие на территории экономической базы или ее обнаружение неизбежно приводят к стремлению сохранить как можно больше средств, не направляя их в центр и не получая от него предписаний относительно их освоения. К. Геринг и Ш. Шнайдер отмечают корреляцию увеличения экономического дохода в регионе с ростом сепаратистских партий и их влияния, добавляя значимость географического положения, человеческого капитала и развитость инфраструктуры. Открытие залежей нефти в районе Шотландии в 1970-х гг. привело к проведению референдума «О независимости Шотландии» в 2014 г. [19] Дж. Соренс указывает на зависимость сепаратизма от уровня ВВП региона относительно остальной страны и разницы между доходом и расходами (профицит), а также на наличие сепаратистских движений на территории до 1980-х гг. (сложившейся своеобразной традиции). Зачастую политические силы не выступают за полное отделение, а требуют только расширения автономии и децентрализации власти [20]. Ресурсы рассматриваются значимыми при условиях а) покрытия ими затрат по выходу; б) географической концентрации и в) распространения выгоды от них по всему государству в настоящее время. Однако успешность экономического фактора как основы для сепаратистских движений обеспечивается наличием этнических, культурных и языковых особенностей, которые используются для обоснования идентичности и исторической независимости.

Помимо перечисленного переменными в успешном сепаратистском движении является избирательная система и политические изменения на самой территории. Предлагаемые центром условия могут удовлетворить запросы. Выделяются следующие возможные варианты взаимоотношения центра и территории: а) территория обладает собственной исполнительной властью; б) юридическое превосходство над другими, создание, изменение и отмена законов; в) наличие у регионального правительства законодательных и административных полномочий; г) региональное правительство регулирует налоговую политику. Частичная децентрализация может быть использована как временная мера с обратимыми последствиями [21]. Однако определить возможный уровень стабилизации или дестабилизации достаточно сложно и во многом зависит от уровня экономического достатка, исторического опыта территории и наличия других регионов, обладающих сепаратистскими предпосылками. Нередко сепаратистские движения переходят к регионализму, внутри них происходят внутренние обсуждения и организационная диверсификация, сопровождающаяся отказом от вооруженных методов [22].

Третьей группой предпосылок для сепаратистских движений являются культурные основания, подкрепляемые национальными и религиозными особенностями и усиливающимися когнитивными искажениями, психологическим страхом. Е.Р. Метелена выделяет истинно идентификационные (историко-культурные) и псевдоидентификационные социокультурные основания. К первым относятся потребность сохранения традиций и защита от этнических чисток, геноцида, ко вторым – эмоциональная неприязнь, идеи о незаконном включении в состав и действия пропаганды. При этом наиболее уязвимыми, помимо приграничных территорий, являются те национальные регионы России, которые обладают промышленной развитостью и получают от федерального бюджета менее 20% (Татарстан, Башкирия). Наличие сильной экономической базы и религиозных традиций повышают позиции в переговорах с центральной властью [23].

Обсуждение результатов

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что сепаратизм, с одной стороны, представляет собой правонарушение экстремистской направленности, ведущее к нарушению территориальной целостности государства; с другой стороны – рационально подкрепленные настроения отдельных представителей, выражающиеся в идеях создания нового административно-территориального образования, обладающего большими правами и свободами, а в исключительных случаях являющегося самостоятельным. Сепаратистские тенденции обосновываются трансформированными традициями и новыми интерпретациями исторических фактов. Предпосылками становятся преимущественно экономические успехи, подкрепляемые социокультурными особенностями. Сепаратизм как разновидность экстремизма представляет собой социокультурный и политический конструкт, созданный в определенном

государстве в конкретный исторический период социумом, самими участниками и государственными структурами. Он включает не только экстремистскую деятельность (дискриминацию и нарушение территориальной целостности), но идеологически подкрепленные мировоззренческие и культурные установки. Сецессия является деятельностью по реализации сепаратистских идей.

В современной России фиксируется усиление мер противодействия сепаратизму в рамках законодательства. Это обусловлено а) накоплением критической массы данных настроений и действий; б) общей тенденцией к укрупнению регионов в рамках административно-территориальной политики (создание экономических макрорегионов, территорий опережающего развития). По мнению Е.В. Саввы, этнический сепаратизм доминирует над региональным. Стремление к расширению территориальных прав и автономии изначально возникает на основе защиты этнической идентичности, религиозных и культурных традиций. Чувства относительной депривации формируются в условиях экономического дисбаланса между регионами, высказываются мнения о пренебрежении государственной властью интересами и потребностями «национального» региона, его экономической эксплуатации и целенаправленном подавлении культуры. Усиление сепаратистских настроений зависит а) от уровня этнических и религиозных различий между регионом и центром; б) сферы и количества проявления; в) идеологической базы; г) модели политического устройства и д) доминирующего способа коммуникации [24].

На наш взгляд, отмечается взаимообусловленность религиозного, национального фактора с сепаратизмом, при которой религиозный и национальный экстремизм способствует сепаратистским настроениям, а сепаратизм вызывает рост экстремистской социальной активности. С.В. Моисеев, отмечая использование исламскими экстремистами идей традиционного ислама, считает национальный сепаратизм стимулирующим фактором, способствующим территориальным переделам в субъектах со сложной этноконфессиональной обстановкой [25]. Сепаратистские идеи, основанные на национальном факторе и позиционируемые выражением интересов и потребностей представителей той или иной нации, в той или иной степени затрагивают межнациональные отношения. Отмечается наличие «положительной» дискриминации в существующем социально-политическом устройстве в пользу государствообразующей нации, представители которой в создаваемом социуме будут подвергнуты негативной дискриминации, ограничению прав и возможностей в пользу титульной нации. Националистические настроения становятся сильной эмоционально окрашенной основой. Призывы возрождения национального могущества посредством отсылки к исторической памяти, трансформированной под достижение политических целей объединений, и культу предков, широко распространенного в традиционных сообществах, усиливаются склонностью к насилию и представлениями о насильственных мерах как единственных эффективных методах.

При наличии культурных особенностей и внешних проявлений (религиозных, националистических) сепаратистских настроений и сецессивных действий, существующем различии в промышленном и социально-инфраструктурном развитии территории, указании на существующую неравномерность в распределении федеральных ресурсов между регионами ключевую роль играют политические цели. В зависимости от исторического прошлого (специфики освоения, присоединения, вхождения) и экономического дохода требования отличаются: более богатые регионы требуют повышения автономии, сохранения большей доли налогов, а с низким уровнем – усиления равноправия. Нами отмечается наличие следующих тенденций. Первая – выступление национальных территорий, экономически развитых и имеющих возможность обеспечить себя самостоятельно, за расширение своих возможностей относительно центра. Вторая – требование территорий, населенных преимущественно представителями русской нации с незначительной долей национальных диаспор, ограничить в правах и возможностях дотационные территории. Стоит отметить, что нередко территории, которые по экономическим показателям уступают, представляют значение благодаря наличию такого важного ресурса как демография. Согласно данным Росстата, положительная динамика естественного прироста населения сохраняется преимущественно в «национальных» территориях (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Якутия, Тыва) [26].

Наиболее активной частью населения выступает молодежь, получившая, как правило, высокий уровень образования, имеющая доступ к государственным программам поддержки и развития, склонная к социальной мобильности. Данные группы населения восприимчивы к различной пропаганде, особенно националистической и религиозно-фундаменталистской направленности, а психологические особенности способствуют выбору безальтернативных путей решения проблемы. В условиях социального кризиса молодежь становится «почвой для агрессивности и молодежного экстремизма» [27]. Неустойчивость социального положения, представления о неприятии позиций государством, неудовлетворенность имеющимися возможностями, рост притязаний и конфликтность стиля мышления обуславливают социальную динамику экстремизма. Формирование экстремистского поведения включает возникновение среды, наличие сообщества и конкретные социальные действия. Создание нового государства воспринимается как возможность реализации себя, утверждения личной значимости и достижения личных целей, реализация которых в условиях единого государства представляется более сложной или невозможной.

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что социально-философский анализ сепаратизма позволяет выявить следующие характерные черты: а) идеи превосходства и убежденность в дискриминации населения и/или

территории в рамках единого государства; б) мотивация, обоснованная трансформированной традицией (религиозной, культурной) и/или соответствующей интерпретацией исторических событий; в) объединение людей по признаку разделения данных настроений, противопоставление их остальному населению. Сепарация выражается в совершении действий по реализации сепаратистских настроений и идей: а) создание соответствующих политических сил, выступающих от большинства; б) требование к центральной власти о расширении своих прав и свобод (исполнительных и законодательных); в) проведение мероприятий с целью формирования радикализованных мировоззренческих установок, направленных на утверждение социально-политической и экономической самодостаточности территории при проведении централь-

ной властью умышленной дискриминации. Экстремистская направленность проявляется в нарушении территориальной целостности и децентрализации государства. Для эффективных управленческих решений в данной области необходимо учитывать не только существующее экономическое развитие и социально-политические настроения, но и историческое прошлое, демографический фактор и особенности культуры территорий. Кроме того, неким условием для возникновения и развития сепаратистских действий остается федеративное устройство, отражающее права и свободы территорий по их статусу (республики, края, области). Политические решения, направленные на унитарность, в частности в экономической сфере, способствуют уменьшению данных настроений и возможностей для их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. URL: <https://konstitutsiia.ru/konstitutsiia.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).
2. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/> (дата обращения: 09.03.2021).
3. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 10.03.2021).
4. Барановский Н.А. Социально-негативные девиации и стратегии антидевиантной политики // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 68–76.
5. Dirilen-Gumus O. Differences in System Justification with respect to Gender, Political Conservatism, Socio-Economic Status and Religious Fundamentalism // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 30. P. 2607–2611.
6. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // *Cognition*. 2019. Vol. 188. P. 116–123.
7. Agnati L., Marcoli V., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs // *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 2017. Vol. 23. P. 43–53.
8. Иноземцев В.Л. Даниелл Белл как исследователь // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2. С. 111–117.
9. Гордеев Н.С. Экстремистская культура: проблемы интерпретации и криминологическое значение // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2015. № 26. С. 46–53.
10. Pietraszewski D. How the mind sees coalitional and group conflict: the evolutionary invariances of n-person conflict dynamics // *Evolution and Human Behavior*. 2016. Vol. 37, is. 6. P. 470–480.
11. Pavlovic T., Wertag A. Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 168. P. 110374.
12. Kunst Jo., Obaiddi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 35. P. 55–59.
13. Ozer S. Globalization and radicalization: A cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 76. P. 26–36.
14. Hoffman A. Understanding conflict and the role of community development: Is building a peaceful society within our reach // *Aggression and Violent Behavior*. 2017. Vol. 37. P. 63–70.
15. Клишас А.А. Сепаратизм вне права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23, № 1. С. 9–26.
16. Воронин В.Н. Уголовно-правовой запрет на сепаратизм: социальная обусловленность и вопросы правоприменительной практики // Юридический вестник ДГУ. 2019. № 1. С. 102–109.
17. Приговор № 1-1622/2019 1-77/2020 от 12 февраля 2020 г. по делу № 1-1622/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.03.2021).
18. Ашмаров И.А. Роль внешнего фактора в стимулировании сепаратизма отдельных территорий мира // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2020. № 3. С. 22–30.
19. Gehring K., Schneider A. Regional resources and democratic secessionism // *Journal of Public Economics*. 2020. Vol. 181. P. 104073.
20. Sorens J. Globalization, secessionism, and autonomy // *Electoral Studies*. 2004. Vol. 23, is. 4. P. 727–752.
21. Flamand S. Partial decentralization as a way to prevent secessionist conflict // *European Journal of Political Economy*. 2019. Vol. 59. P. 159–178.
22. Sindre G. From secessionism to regionalism: Intra-organizational change and ideological moderation within armed secessionist movements // *Political Geography*. 2018. Vol. 64. P. 23–32.
23. Метелена Е.Р. Специфика современного регионального сепаратизма и государственная политика // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12, № 2. URL: <https://esj.today/PDF/85ECVN220.pdf> (дата обращения: 28.05.2021).
24. Савва Е.В. Этнический сепаратизм в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8. С. 31–35.
25. Моисеев С.В. Исламский религиозный экстремизм как фактор нестабильности в современной России // Алтайский юридический вестник. 2013. № 2. С. 4–7.
26. Рождаемость по данным Росстата // Статистика и данные региональные и федеральные. URL: <https://rosinfostat.ru/rozhdzaamost/#i-4> (дата обращения: 19.03.2021).
27. Шинкевич В.Е., Беяков Б.Л. Безопасность общества и молодежный экстремизм: социально-философский аспект // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 8 (63). С. 78–82.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 3 ноября 2021 г.

Separatism as a Kind of Extremism: A Socio-Philosophical Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 30–37.

DOI: 10.17223/15617793/472/4

Tatyana V. Izluchenko, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: izluchenko@mail.ru

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: turilak@yandex.ru

Keywords: extremism; separatism; secession; territorial integrity; secession; extension of autonomy; discrimination.

The relevance of the study is due to the need to develop effective management decisions in the field of countering extremist activities. One of the most dangerous manifestations of extremism is separatism based on religious fundamentalism and nationalism and using terror and violent actions as the main methods. The aim of the work is a socio-philosophical analysis of separatism as a sociocultural and political phenomenon constructed within the framework of the postmodern concept. The methodological basis of the work is a socio-philosophical analysis, which allows us to identify goals and objectives, behavioral patterns and establish the dynamics of social relations in separatist associations. The concepts of social psychologists contribute to the definition of the features of the cognitive properties of extremists. Extremist behavior is considered a deviant form of social activity aimed at transforming the current sociopolitical situation, creating a new state, or introducing other forms of administrative and territorial administration. The state defines these actions as illegal activities that violate its territorial integrity. Extremism appears to be a socially and politically dangerous activity committed publicly, individually and/or within an organization with the aim of causing internal political conflicts and social tension by exacerbating interreligious, interethnic, and other kinds of social contradictions. It is expressed in the appropriate style of thinking and patterns of behavior, justified by a transformed religious tradition, nationalist theories, and/or a new interpretation of historical facts. Extremist activity and the corresponding ideology are interdependent; this activity forms cultural perceptions and models of thinking (extremist consciousness). Separatism is expressed in the presence of stable attitudes among the population groups of a territory to the need to expand autonomy and the possibility of independent governance, based on the ideas of their discrimination or illegal, forced inclusion. Secession is purposeful and organized actions to implement the specified moments. The prerequisites are economic and political conditions, and the rationale is sociocultural characteristics. The important role of the demographic factor in the growth of separatist sentiments is noted. On the basis of the economic development of the regions, the specificity of separatist sentiments is noted. Currently, the Russian state is implementing a number of measures to counter separatist manifestations: the consolidation of regions, the creation of macroeconomic zones, and the tightening of anti-extremist legislation.

REFERENCES

1. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. (n.d.) [Online] Available from: <https://konstitutsia.ru/konstitutsia.pdf>. (Accessed: 09.03.2021).
2. Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii [Laws, Codes and Regulatory Legal Acts of the Russian Federation]. (2021) *Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 (as amended on July 01, 2021) "On Countering Extremist Activity"* [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/>. (Accessed: 09.03.2021). (In Russian).
3. *Rossiyskaya gazeta*. (2015) Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>. (Accessed: 10.03.2021). (In Russian).
4. Baranovskiy, N.A. (2010) Negative social deviations and strategies of antideviant policy. *Sotsiologicheskij al'manakh*. 1. pp. 68–76. (In Russian).
5. Dirilen-Gumus, O. (2011) Differences in System Justification with respect to Gender, Political Conservatism, Socio-Economic Status and Religious Fundamentalism. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 30. pp. 2607–2611.
6. Kruglanski, A. et al. (2019) Cognitive mechanisms in violent extremism. *Cognition*. 188. pp. 116–123.
7. Agnati, L. et al. (2017) The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs. *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 23. pp. 43–53.
8. Inozemtsev, V.L. (2004) Daniel Bell and his studies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic And Social Changes*. 2. pp. 111–117. (In Russian).
9. Gordeev, N.S. (2015) Extremist subcultures: problems of interpretation and criminological value. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya – Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Culturology*. 26. pp. 46–53. (In Russian).
10. Pietraszewski, D. (2016) How the mind sees coalitional and group conflict: the evolutionary invariances of n-person conflict dynamics. *Evolution and Human Behavior*. 6 (37). pp. 470–480.
11. Pavlovic, T. & Wertag, A. (2021) Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism. *Personality and Individual Differences*. 168. P. 110374.
12. Kunst, Jo. & Obaidi, M. (2020) Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation *Current Opinion in Psychology*. 35. pp. 55–59.
13. Ozer, S. (2020) Globalization and radicalization: A cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism. *International Journal of Intercultural Relations*. 76. pp. 26–36.
14. Hoffman, A. (2017) Understanding conflict and the role of community development: Is building a peaceful society within our reach. *Aggression and Violent Behavior*. 37. pp. 63–70.
15. Klishas, A.A. (2019) Separatism is outside the law. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki – RUDN JOURNAL OF LAW*. 1 (23). pp. 9–26. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-1-9-26
16. Voronin, V.N. (2019) The criminal-law prohibition on separatism: social conditioning and enforcement issues. *Yuridicheskij vestnik DGU – Law Herald of Dagestan State University*. 1. pp. 102–109. (In Russian).
17. Sudebnye i normativnye akty RF [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. (2020) Sentence No. 1-1622/2019 1-77/2020 of February 12, 2020 in case No. 1-1622/2019 [Online] Available from: <https://sudact.ru/> (Accessed: 12.03.2021).
18. Ashmarov, I.A. (2020) The role of an external factor in stimulating separatism in certain territories of the world. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya*. 3. pp. 22–30. (In Russian).
19. Gehring, K. & Schneider, A. (2020) Regional resources and democratic secessionism. *Journal of Public Economics*. 181. P. 104073.
20. Sorens, J. (2004) Globalization, secessionism, and autonomy. *Electoral Studies*. 4 (23). pp. 727–752.
21. Flamand, S. (2019) Partial decentralization as a way to prevent secessionist conflict. *European Journal of Political Economy*. 59. pp. 159–178.
22. Sindre, G. (2018) From secessionism to regionalism: Intra-organizational change and ideological moderation within armed secessionist movements. *Political Geography*. 64. pp. 23–32.

23. Metelena, E.R. (2020) The contemporary regional separatism's feature and a state policy. *Vestnik Evraziyskoy nauki – The Eurasian Scientific Journal*. 2 (12). [Online] Available from: <https://esj.today/PDF/85ECVN220.pdf>. (Accessed: 28.05.2021). (In Russian).
24. Savva, E.V. (2020) Ethnic separatism in the Russian Federation: classification and level of activity. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 8. pp. 31–35. (In Russian). DOI: 10.24158/pep.2020.8.5
25. Moiseev, S.V. (2013) Islamic religious extremism as a factor of instability in modern Russia. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik – Altai Law Journal*. 2. pp. 4–7. (In Russian).
26. RosInfoStat. (n.d.) *Rozhdaemost' po dannym Rosstata* [Birth rate according to Rosstat]. [Online] Available from: <https://rosinfostat.ru/rozhdaemost/#i-4>. (Accessed: 19.03.2021).
27. Shinkevich, V.E. & Belyakov, B.L. (2015) Bezopasnost' obshchestva i molodezhnyy ekstremizm: sotsial'no-filosofskiy aspekt [The security of society and youth extremism: a socio-philosophical aspect]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 8 (63). pp. 78–82.

Received: 03 November 2021